

Владислав Ходасевич

Собрание сочинений – Критика

О последних книгах К. Бальмонта

О последних книгах К. Бальмонта

Бранить Бальмонта за его последние книги ("Злые чары", "Жар-Птица", "Птицы в воздухе") стало уже считаться у критиков чем-то вроде "хорошего тона". Чем критик "левее" в искусстве - тем он неистовее, и в неистовстве своем, быть может, всего больше этот самый "хороший тон" попирает. По отношению к Бальмонту мы обязаны какой-то глубокой и почтительной благодарностью. Он подарил нас книгами "Будем как солнце" и "Только любовь", и для этих самых критиков и судей когда-то, задолго до нынешнего "признания", в дни свистков и самой постыдной брани - его имя было боевым возгласом. Теперь, когда эти критики получили признание, потому что публика сочла своевременным признать тех, кого они когда-то отстаивали так безуспешно, - и прежде всего - Бальмонта, - кто не почел своим долгом его лягнуть, не за стихи, так за статьи, за переводы?

И лягаются так легко, так небрежно - мимоходом. Мол, все-таки "пускай мое копыто знает", хоть и не стоит с ним долго возиться. Для острастки.

А между тем, то, с чем разделяются "тонкие" критики так модно и так жалко, - есть глубокая, больная и печальная трагедия, - и да будет стыдно тем, кто тащит на площадь бедную душу поэта. Может быть, Бальмонт в жизни своей - в сердце своем, - поэт больше, чем все поэты, и то, что он делает сейчас, - самая последняя, кровавая жертва его богу.

Никогда Бальмонт не останавливался на половине пути, и быть не цельным, идти не до конца - было для него самым страшным. И теперь, когда он пленился народным творчеством (ибо он всегда в плену - У Любви, у Солнца, у "Четверогласия Стихий") - он не смог понять границы плена и отдался весь, отдал снова всю душу, стал, или, вернее, захотел стать, певцом там, где другой поэт сумел бы остаться литератором.

Предположим, - Валерий Брюсов обратился бы, как Бальмонт, к народному русскому эпосу. Конечно, он решил бы свою задачу чисто литературно, - и мы

бы получили ряд блестящих подделок, стилизаций, где собственное лицо Брюсова сказало бы в выборе мотивов, в том, что именно более всего привлекло его внимание в подлинном народном творчестве.

Бальмонт поступил иначе. С чисто бальмонтовской внезапностью он решил: народ - солнечность, я - солнечность, народ - как я, и я, как народ, народ и я - величины одного порядка, одного наименования, и соединением, синтезом народного творчества и моего будет простое сложение - плюс. Стал складывать яблоки с апельсинами только потому, что и те и

другие - круглые. И вот, пользуясь такой аргументацией, и всего более боясь остановок на половине пути, он стал громоздить глыбу на глыбу, обломок на обломок, не сравнивая, не пригоняя друг к другу, а глыбы падали и падали, падая, разбивались, - и Бальмонт уже стоял среди груды камешков, рассыпавшихся вокруг него, - а он все больше неистовствовал, все строил и ронял... После "Злых чар", где он еще как-то удерживался на ногах, - "Жар-Птица", и Бальмонт почти раздавлен непосильной тяжестью своего труда.

Подвиг Бальмонта не удался, но, совершая его, он снова и снова, в который уже раз, сжег душу; совершая его, обрел опять новый мир, который мы никак не можем постигнуть, не можем вычислить его законов, мир, из которого слова еле долетают до нас. Бальмонт, кажется, понял это и сам. Теперь он уже заявляет ("Птицы в воздухе"):

...Я прыг с корабля их, и вот утонул.

О, счастливый прыжок. Ты навеки избавил

Человека Земли, но с морскою душой.

В тесноте корабля я своих там оставил,

И с тобой я, Морская царица, я твой.

.....

Я вам честно солгал, не зовите изменным,

Но настолько все странно в морской глубине... -

что его слова мы почти уже не понимаем.

Последние годы и последние книги Бальмонт пережил в такой отъединенное?, что множество его слов, имен, понятий, образов - стало намеками, понятными только ему. Он совсем отошел в сторону, в свой новый мир, и так хочет во что бы то ни стало пройти его "до конца", что ему приходится сказать

теперь своим то, что когда-то сказал он чужим: "Мы говорим на разных языках". И, кажется, то стихотворение, где радуется он своему освобождению от тех, кому "честно солгал", написано позже другого, появившегося тому назад два года.

...Братья мыслей, вновь я с вами, я, проплывший океаны,

Я, прошедший срывы, скаты голых скал и снежных гор.

.....

Слыша северных метелей стоны, бреды, вскрики, шумы

В час радений наших зимних, при мерцании свечей,

Я вас вброшу в дождь цветочный из владений Монтезумы,

Из страны Кветцалькоатля, из страны крылатых змей.

Сам Бальмонт всех лучше должен знать, что слишком далеки стали от него "братья мысли", и Кветцалькоатль его для них - пустой звук, слово, заморозившее "брата".

Заглушаемой горечью, кажется мне, полны страницы его последней книги - "Птицы в воздухе". Бальмонт переживает трагедию, созданную его замкнутостью. Каждый возглас его о солнце - горек и темен. И если по этому пути он будет "идти, не отступая" - слова его будут нам все более и более чужды. Но память о прежнем Бальмонте, зажигавшем наши первые огни, сохраним почтительно, благоговейно, нежно.

О последних книгах К. Бальмонта . - Южный край (Харьков). 1907. 23 декабря.
Подпись: Георгий Р-н.